

ИОСИФ БРОДСКИЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ.

**Рецензия на книгу: МОРЕВ Г.А. ИОСИФ БРОДСКИЙ:
ГОДЫ В СССР. ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ.**

**М.: Новое литературное обозрение, 2025. 416 с.
(Серия «Критика и эссеистика»)**

А.М. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; aranchin@mail.ru*

Аннотация: Новая книга Г.А. Морева посвящена не столько литературной биографии в целом (в понимании Б.В. Томашевского), сколько стратегиям поведения Бродского, прежде всего во взаимоотношениях с советскими властями, и конструированию поэтом собственной литературной репутации. Автор убедительно показывает, что основой этой стратегии была установка на независимость, а образцом в отношениях с властью была Анна Ахматова. Стесняющие политические обстоятельства и гонения вслед за Ахматовой Бродский отказывался трактовать с позиции жертвы: для него это условия формирования собственной личности и духовного роста.

Доказывается, что другими поведенческими моделями для поэта были диалог с властью, который вели Державин и Пушкин. Своеобразным манифестом Бродского ученый считает стихотворение «Народ». Некоторые утверждения исследователя представляются спорными: отношения Бродского с властями едва ли можно назвать диалогом, мысль об отказе Бродского от романтической модели поэта-бунтаря не вполне подтверждается его поэтическими текстами советского времени. Тем не менее монография Г.А. Морева является ценнейшим исследованием, основанным на практически исчерпывающем привлечении источников, в том числе архивных, доступных в настоящее время. Установлен целый ряд фактов биографии Бродского, в том числе доказано, что его отъезд из СССР был не высылкой, а результатом продуманного добровольного решения. Рецензируемая книга — драгоценный подарок как для специалистов-бродсковедов, так и для ценителей творчества поэта.

Ключевые слова: Иосиф Бродский; литературная биография; литературная репутация; поэт и власть; стратегии поведения

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-19

Для цитирования: Ранчин А.М. Иосиф Бродский в Советском Союзе: стратегии поведения. Рецензия на кн.: Морев Г.А. Иосиф Бродский: годы

в СССР. Литературная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 416 с. (серия «Критика и эссеистика») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 218–226.

**JOSEPH BRODSKY IN THE SOVIET UNION:
BEHAVIORAL STRATEGIES. MOREV G.A.
JOSEPH BRODSKY: HIS YEARS IN THE USSR.
LITERARY BIOGRAPHY.**

Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2025. 416 p.

Andrey M. Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aranchin@mail.ru

Abstract: G.A. Morev's new book is devoted not so much to a literary biography as a whole (as understood by B.V. Tomashevsky) as to Brodsky's strategies of behavior, particularly in his interactions with the Soviet authorities, and the poet's construction of his own literary reputation. The author convincingly demonstrates that the foundation of this strategy was a commitment to independence, and that Anna Akhmatova served as a model for his relations with the authorities. Brodsky refused to interpret the oppressive political circumstances and persecution that followed Akhmatova from the perspective of a victim: for him, these were the conditions for the formation of his own personality and spiritual growth. It is argued that other behavioral models for the poet included the dialogue with the authorities conducted by Derzhavin and Pushkin. The scholar considers the poem "The People" to be a kind of Brodsky manifesto. Some of the researcher's assertions appear questionable: Brodsky's relationship with the authorities can hardly be called a dialogue, and the idea that Brodsky rejected the romantic model of the rebellious poet is not fully supported by his Soviet-era poetry. Nevertheless, G.A. Morev's monograph is a valuable study, based on a virtually exhaustive collection of sources, including currently accessible archival ones. A number of facts about Brodsky's biography have been established, including proof that his departure from the USSR was not an expulsion, but the result of a deliberate, voluntary decision. The book under review is a treasure for both Brodsky scholars and admirers of the poet's work.

Keywords: Joseph Brodsky; literary biography; literary reputation; poet and power; behavioral strategies

For citation: Ranchin A.M. (2026) Joseph Brodsky in the Soviet Union: Behavioral Strategies. Morev G.A. Joseph Brodsky: His Years in the USSR. Literary Biography. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2025. 416 p. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. Philology, no. 1, pp. 218–226.

Новая монография Г.А. Морева, в которую (частично в переработанном виде) вошли прежде опубликованные статьи автора, посвящена проблематике, неизменно привлекавшей внимание исследователя, — отношениям писателей и власти и созданию ими своей литературной репутации. Эти же проблемы были центральными

в предыдущих книгах Г.А. Морева «Осип Мандельштам» (2022) и «Поэт и Царь» (2023). (Последняя глава второй из них вошла в рецензируемую книгу.)

Название новой монографии обманчиво неточно: это отнюдь не описание жизни поэта в Советском Союзе с точки зрения ее отражения в творчестве или их взаимосвязи. Автор замечает: «... полноценной научной биографии Бродского у нас нет» (7), критически отзываясь об известном жизнеописании, принадлежащем Л. Лосеву (биография «написана с изначальной установкой на “агиографичность”, что снижает ее научное значение» (7, примеч. 1)). Г.А. Мореву «агиографическая» установка, действительно, чужда, однако различие двух книг заключается прежде всего не в этом. Лосев последовательно описывает жизнь своего героя от рождения до кончины, Морев начинает рассказ с 1957–1961 гг., вскользь упоминая о принадлежности Бродского к «неформально[му] молодежно[му] круж[ку], группировавш[емуся] в Ленинграде вокруг Александра Уманского, игравшего роль своего рода “гуру” для его членов» (13). Этот факт важен для исследователя не сам по себе и не в связи с ранним творчеством героя книги: в кружок Уманского, относившегося резко отрицательно к советской власти, входил О. Шахматов, который вместе с Бродским на рубеже 1960–1961 гг. готовил побег за границу с захватом самолета. «Самолетная» история, а также попытка передачи на Запад рукописи Уманского («письма Кеннеди») явились первопричиной сформировавшегося у КГБ отношения к Бродскому, проявившегося, как показывает автор книги, позднее и в инициированном ленинградским управлением этого ведомства суде над поэтом, и в запрете на публикацию двух сборников, подготовленных в Советском Союзе, и в решении позволить ему покинуть страну. (Именно КГБ, а не партийные инстанции, ответственен в первую очередь, как показывает Морев, за преследования стихотворца.)

Последовательного жизнеописания «советского» периода в жизни Бродского в рецензируемой книге не будет и дальше: показательно, например, что о романе с М. Басмановой, являющемся отнюдь не только частным событием, но и «литературным фактом», поскольку он в мифологизированном виде преломился во множестве стихотворений, сказано мельком, в связи с предпринятыми Бродским попытками фиктивного брака с иностранками, который должен был обеспечить ему возможность выездов за границу. Свою задачу Морев определяет как «*[р]еконструкци[ю]*» принципов, в соответствии с которыми Бродский в разные периоды жизни строил свою *литературную* биографию», напоминая, что она «имеет самое прямое отношение к изучению и пониманию текстов поэта и не

имеет ничего общего с тем исследованием “физического существования моей личности”, которое вызывало у Бродского заведомое и законное неприятие» (7, курсив автора).

Изъян, способный дезориентировать доверчивого читателя, — отсутствие теоретического введения к книге. Понятие *литературная биография* ученый не определяет, но, очевидно, трактует, в соответствии с его осмыслением у Б.В. Томашевского, писавшего: «...будем учитывать лишь “литературные функции” биографии и рассматривать ее, как традиционную спутницу художественных произведений»; «...расчет на то <...> что жизнь будет постоянным экраном <...> произведений, заставлял <писателей. — А.Р.> <...> создавать себе искусственную биографию-легенду с намеренным подбором реальных и вымышленных событий»; «[п]оэты своею жизнью осуществляют литературное задание. И эта-то литературная биография и была нужна читателю» [Томашевский 1923: 6–7]. Морев дважды цитирует работу Томашевского лишь по поводу единичного случая — осмысления Бродским своей ссылки (128, 130). Но понимание литературной биографии автором книги не вполне совпадает с принадлежащим автору «Литературы и биографии»: как уже было сказано, отнюдь не все события жизни, мифологизированные поэтом, стали предметом внимания исследователя. Морев употребляет и восходящие к Бурдьё метафоры *общественно-культурное поле* и *символический капитал писателя*, впрочем не ссылаясь на первоисточник — эти понятия уже стали общим достоянием. Их использование — свидетельство преимущественного интереса именно к стратегиям создания социальной репутации поэта.

Ключевым событием, повлиявшим на формирование поведенческой стратегии Бродского, прежде всего в отношениях с властью, как убедительно показывает Морев, было знакомство с Ахматовой. Автор монографии исходит из слов поэта в разговоре 1986 г. с Н. Рубинштейн, посвященном Ахматовой, где Бродский вспоминает об озарении, вызванном внезапно всплывшей в сознании молодого стихотворца одной ахматовской строкой: «На уточняющий вопрос интервьюера, какая строчка имеется в виду, Бродский отвечает цитатой из “Пятой Северной элегии” Ахматовой: “Меня, как реку, / Суровая эпоха повернула”. <...> ...существенно, что “Пятая Северная элегия” (1945) — один из главных автометаописательных текстов Ахматовой, в центре которого стоит проблематика *поэтической биографии* в том специфическом ракурсе, какой придавали ей обстоятельства российской истории после 1917 года, где Поэт оказывался не только противопоставлен пореволюционной “суровой эпохе”, но и “объективно” становится ее жертвой (“мне подменили

жизнь”). При этом финальной (и главной) смысловой точкой стихотворения Ахматовой является ее кажущийся парадоксальным отказ от признания себя исключительно объектом государственного насилия и утверждение своей *победительной* субъектности и неповторимой *ценности* (в том числе творческой) сложившейся во враждебных обстоятельствах биографии, противопоставленной абстрактно-благополучной “несостоявшейся жизни” (“Но если бы откуда-то взглянула / Я на свою теперешнюю жизнь, / Узнала бы я зависть, наконец...”). Представляется, что именно понимание внешних обстоятельств как материала, в противоборстве с которым (во многом таинственно) строится неординарная биография Поэта, сохраняющего независимость — личностную и творческую — и вопреки всему утверждающего таким образом свое “величие”, привлекло молодого Бродского (после 1956 года сделавшего <...> выбор в пользу отказа от принятия советских “правил игры”) в этом тексте и — шире — в фигуре Ахматовой, — и именно об этом, как представляется, он говорил, вспоминая Ахматову...» (42).

Вывод Морева: «Именно влиянием поведенческого языка Ахматовой определяются, на наш взгляд, сложившиеся у Бродского как раз в годы общения с ней ключевые нравственно-эстетические принципы — отказ “чувствовать себя жертвой”, отказ от “драматизации” угнетающих внешних обстоятельств и признание “независимости” высшей ценностью» (42). Суждение подкрепляется серией высказываний Бродского. В контексте ахматовского воздействия интерпретируется стихотворение «Народ» (1964), воспринятое многими современниками как конъюнктурное, но оцененное Ахматовой как гениальное. В этом же семантическом поле прочитываются и написанные в ссылке стихотворения «Отрывок» («Назо к смерти не готов...») и «Ex Ponto (Последнее письмо Овидия в Рим)». Морев называет их «антиовидианскими» (см. их разбор на с. 128–130), указывая, что поэт ориентировался на Пушкина с его «К Овидию», воспрещающим жалобы на изгнанническую судьбу. Неприятие Бродским предисловия Г.П. Струве к сборнику 1965 г., изданному за границей без санкции автора (во вступительной статье делался акцент на гонениях, испытанных стихотворцем), и нежелание педалировать тему суда и ссылки вписываются, как справедливо отмечает Морев, в этот же контекст.

Замечу в этой связи: трактовка «Народа» в качестве своего рода социально-политического манифеста поэта не то чтобы вызывает сомнения, но требует определенных коррективов: показательно, что автор, включивший стихотворение в состав готовившего в СССР сборника «Зимняя почта», не внес этот текст в первую изданную за

пределами отечества при его участии книгу «Остановка в пустыне»¹. Возможно, есть резон говорить о разных стратегиях Бродского at home и abroad.

Пушкин для Бродского, по мнению Морева, тоже поведенческий образец в отношениях с властью: «В целом, начиная со стихотворения “Народ”, представление о “национальном поэте” как о персонафицирующем всю мощь родного языка (“великой реки”) служит определяющим для самоидентификации Бродского. В русской культурной традиции это представление задано знаменитой статьей Гоголя “Несколько слов о Пушкине” (1834) и органично вписывается в усвоенные Бродским со времени ссылки пушкинские автопроекции. Немаловажно при этом, что, будучи “наднациональной” (“универсалистской”), эта модель национального поэта противостоит “романтической концепции национального поэта как политической фигуры”², связанной с духом революционного и бунтарства» (185).

Еще одним образцом для Бродского в отношениях с властью, как полагает Морев, был Державин. Одним из аргументов для исследователя является неопубликованное эссе Бродского об авторе «Бога» и «Памятника» (см. с. 267–268). В одобренном автором предисловии А.Г. Наймана к первому составленному Бродским заграничному сборнику «Остановка в пустыне» (1970) поэт сопоставлялся с создателем «Фелицы»³. Исследователь предполагает: «Державин, увиденный Бродским в духе (безусловно ему известного) предисловия к “Стихотворениям” в Большой серии “Библиотеки поэта”, где особо отмечалось его умение “на равных правах сочетать в рамках одного произведения и утверждающее и критическое начала”⁴, выступает у Бродского наивысшим достижением эпохи классицизма и непосредственным предшественником служащей для Бродского образцом модели “национального поэта” в пушкинском “государственническом” понимании, противостоящем романтической оппозиционности» (268).

Значимость для Бродского пушкинской модели взаимодействия с властью несомненна, хотя считать ее (а тем более пример Державина) безусловным образцом невозможно: для обоих классиков власть была, несмотря ни на что, *своей*, для автора же «Конца пре-

¹ Показательно, что поэт вообще ни разу не опубликовал этот поэтический текст; см.: [Лосев 2011: 491–492].

² Евдокимова С.Б. Пушкин: национальный поэт? // Пушкин после 1831 года / Под ред. И. Немировского. СПб., 2025. С. 369. — *Примеч. Г.А. Морева.*

³ См. [Н.Н. <Найман> 1970: 13–14].

⁴ Благой Д.Д. Гаврила Романович Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 5. — *Примеч. Г.А. Морева.*

красной эпохи» и «Писем римскому другу» (как и для Ахматовой) она была безусловно *чужой*. Поэтому характеризовать отношения Бродского с советской властью как диалог едва ли правомерно без очень важных оговорок: и письмо Бродского в газету «Известия» (1964), вызванное готовившейся орфографической реформой, и его письмо Брежневу (1970) по поводу так называемого «самолетного дела» (плана захвата самолета группой «отказников», добивавшихся выезда из СССР), и предотъездное письмо генеральному секретарю (1972) имеют мало общего и с диалогом, который вел с императорской властью автор «Фелицы», и с пушкинской попыткой диалога с Николаем I. Характеристика политической позиции Бродского как «антиромантической» и чуждой тому «сарказму», о котором он упоминал в стихотворении «Одной поэтессе» (1965), по-моему, нуждается в оговорке: у Бродского есть и романтический бунт, правда тоже не прямо против власти («Разговор с небожителем», 1970), и сарказм («Письмо генералу Z» и многое другое), и вполне романтическая трактовка лирического я как жертвы: «Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора / да зелёного лавра» («Конец прекрасной эпохи», 1969 [Бродский, 2: 313]). Причем этот бунт приобретает характер не столько политический, сколько метафизический, экзистенциальный (тот же «Разговор с небожителем» и «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...», 1970 (?)). Его любовная лирика «доотъездного» периода также свидетельствует о значимости именно романтической модели⁵. Не случайно одно из стихотворений, адресованных М.Б., автор назвал «Новые стансы к Августе» (1964) в подражание Байрону, романтику *par excellence*. Возможно, имеет смысл говорить о конфликте или расхождении между «автомоделью» (если использовать термин Ю.М. Лотмана) и поэтической практикой.

Но все коррективы и сомнения рецензента не отменяют главного. Книга Морева — это замечательный труд, основанный на практически исчерпывающем учете источников, в том числе архивных, доступных в настоящее время. Ее автор, не отдавая предпочтения ни одному отдельно взятому свидетельству, подвергает их своеобразному «перекрестному допросу». (ПЕРЕФРАЗИРУЯ БРОДСКОГО, можно сказать: процедура довольно варварская, но верная.) Выясняется, что побег на рубеже 1960–1961 гг. не состоялся не из-за отказа поэта «нейтрализовать» пилота ударом кирпича, как Бродский заявил в интервью С.М. Волкову [Волков 2000: 67], а по причине неполной zapравки советских самолетов на среднеазиатских линиях. Что решающую роль в освобождении поэта из ссылки в 1965 г.

⁵ Подробнее о романтической модели в доэмигрантской лирике Бродского см.: [Ранчин 2023].

сыграли не подписанты петиций, отечественные и иностранные (Ж.-П. Сартр и пр.), а усилия абсолютно советской, но честной поэтессы Н.И. Грудиной и, главное, позиция партийного функционера Н.Р. Миронова, посчитавшего действия ленинградского КГБ самоуправством. Наконец, отъезд Бродского из СССР предстает не изгнанием, а результатом сознательного решения поэта. О том, что решение поэта покинуть «страну, что меня вскормила» было продуманным и добровольным, говорили и раньше⁶, но только Морев доказал это с непреложностью истины, сопоставив и разобрав свидетельства самого поэта (посещение ОВИРа Бродский описал еще в 1972 г., но потом, спустя десять лет, в интервью С.М. Волкову [Волков 2000: 125] переиначил факты).

В заключение стоит отметить, что Мореву удалось выдержать нейтральный тон в рассказе о Бродском: здесь напрочь нет ни апологетики, ни смакования слабостей и неприглядных черт поведения героя. Оценок нет вообще: оценивать — не дело ученого. Твердый в своей позиции, несмотря на частные компромиссы с властью (и в том и в другом отношении сравниваемый в книге с Солженицыным), фрустрирующий по поводу удачных альянсов Вознесенского и Евтушенко с режимом, допускающий ради создания персонального мифа откровенные фальсификации — таков герой книги Морева. Книги, которая является бесценным подарком для всех, ценящих поэзию Бродского. Для филологов же в особенности. За что автору монографии можно принести нелицемерную благодарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <Бродский И.А.> Сочинения Иосифа Бродского: [в 7 т.] / Общ. ред. Я.А. Гордина; сост. Г.Ф. Комарова. СПб., 2001.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступит. ст. Я. Гордина. М., 2000.
3. Лосев Л.В. Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. СПб., 2011. Т. 2. С. 329–539.
4. Н. Н. [Найман А.Г.] Заметки для памяти // Бродский И. Остановка в пустыне: Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк, 1970. С. 7–15.
5. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). СПб., 2006.
6. Ранчин А.М. Самопрезентация лирического “я” в поэзии Иосифа Бродского // И.А. Бродский: Pro et contra. Антология / Сост. О.В. Богданова, А.Г. Степанов. СПб., 2023. Т. 2. С. 73–85.
7. Томашевский Б. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–9.

⁶ Ср. реплику Д. Шраера-Петрова: «Кстати, я не согласен с тем бытующим сейчас представлением, что его выгнали». На вопрос интервьюера «У вас есть основания думать, что он хотел эмигрировать до того, как ему предложили?» он ответил: «Да, я знаю это от него, и он впоследствии был очень недоволен, что мне об этом сказал». — Д. Шраер-Петров, 28 сентября 2003 г., интервью В.П. Полухиной [Полухина 2006: 155].

REFERENCES

1. <Brodskii I.A.> *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works], in 7 vols, eds Ya.A Gordin, G.F. Komarov. St. Petersburg, *Pushkinskii fond Publ.*, 2001. (In Russ.)
2. Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Iosif Brodskii], with preface by Ya. Gordin. Moscow, *Nezavisimaya Gazeta Publ.*, 2000. 328 p. (In Russ.)
3. Losev L. *Primechaniya* [Commentary], in: Brodskii I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems], ed. L.V. Losev. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., Izdatel'stvo "Vita Nova" Publ, vol. 2, 2011, pp. 329–539. (In Russ.)
4. N. N. [Naiman A.G.] *Zametki dlya pamyati* [Notes for Memory], in: Brodskii I. *Ostanovka v pustyne: Stikhotvoreniya i poehmy* [Stop in the Desert. Poems]. N. Y., *Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ.*, 1970, pp. 7–15. (In Russ.)
5. Polukhina V. *Iosif Brodskii glazami sovremennikov. Kniga vtoraya (1996–2005)* [Joseph Brodsky Through the Eyes of His Contemporaries. Book Two (1996–2005)]. St. Petersburg, *Zhurnal "Zvezda" Publ.*, 2006. 544 p. (In Russ.)
6. Ranchin A.M. *Samoprezentatsiya liricheskogo "ya" v poezii Iosifa Brodskogo* [Self-presentation of the Lyrical "I" in the Poetry of Joseph Brodsky], in: *I.A. Brodskii: Pro et contra. Antologiya [I.A. Brodsky: pro et contra. Anthology]*, eds O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov. St. Petersburg, *RKhGA Publ.*, 2022, pp. 100–108. (In Russ.)
7. Tomashevskii B. *Literatura i biografiya* [Literature and Biography]. In: *Kniga i revolyutsiya*. 1923, № 4 (28), pp. 6–9. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.11.2025

Принята к публикации 24.12.2025

Отредактирована 23.01.2026

Received 23.11.2025

Accepted 24.12.2025

Revised 23.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Андрей Михайлович Ранчин — д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; aranchin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Ranchin — Dr. Sci, Professor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; aranchin@mail.ru